

Искандер Лин

Зона 0

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Искандер Лин

Зона 0

«Автор»

2026

Лин И.

Зона 0 / И. Лин — «Автор», 2026

Подземелья научно-исследовательского комплекса хранят мрачные секреты.
"Зона 0" — место, где всё началось, и где всё закончится. Финал истории
отряда "Раскат" и "Объекта 80".

© Лин И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ловушка	5
Глава 2. Другие	13
Глава 3. Находка	19

Искандер Лин

Зона 0

Глава 1. Ловушка

Запах технической смазки витал по подземному депо. Его можно было почувствовать не только в ремонтной зоне с брошенными инструментами и висящим электродвигателем на крюке кран-балки — запах пронизывал собой каждое помещение в этом тупике железной дороги «Объекта 80». Офицеры во главе с Демченко осторожно осматривали пустующее депо в поисках работающего транспорта. Рельсовый путь разделялся на несколько веток у въезда в депо, позволяя размещаться здесь сразу трём коротким поездом. Сейчас первый путь пустовал, на втором у электровоза отсутствовал агрегат — именно он висел на крюке в ремонтной зоне. Почему поезд, стоявший на третьем пути, не подавал признаков «жизни», никто из военных понять не смог. Панель управления не реагировала на нажатие кнопок и движение рычажков. Состав выглядел обесточенным.

Полковник Гуров — заместитель командира гарнизона — подошёл к Демченко, разглядевшему подвешенный агрегат:

— Осмотрели всё. Здесь нет ни хрена рабочего.

— Я и не надеялся. Эту херню без ремонтников мы тоже обратно не засунем, — с недовольством в голосе ответил генерал. — Продолжаем осмотр, может, найдём какого-нибудь техника, который забился в угол и выжил.

Офицеры направились к переходу через пути. Остальной уцелевший командный состав, разбившись на несколько небольших групп, продолжил медленно продвигаться по неизведанной территории административного блока депо. В ряду покинутых наспех кабинетов нашлась одна запертая дверь. Выбив её, военные оказались в бывшей комнате отдыха, ставшей покойницей. На побагровевшем диване лежало тело в порванном синем комбинезоне. У тела отсутствовала верхняя часть туловища: сквозь ошметки плоти от изувеченной головы и до брюха выпирал переломанный позвоночник. Весь пол был залит липким слоем жижи из крови, желчи, содержимого желудков и кишечника. В других частях помещения оказались раскиданы части тел ещё нескольких ремонтников в синих комбинезонах. Зловонный запах смерти скрутил животы, и вошедшие поспешили обратно. Выматерившись, подметили, что вентиляционная решётка под потолком отсутствует, а поверхность вокруг зияющего отверстия измазана кровью.

Демченко вместе с Гуровым и майором Высокиным — начальником строевого отдела — сосредоточились на поиске документов на поезд: надеялись найти техпаспорт или что-то в этом роде. В одном из кабинетов они обнаружили нечто похожее на картотеку, а спустя полчаса Демченко наткнулся на нужную папку. Схемы, страницы мелкого текста, таблицы — от всего этого в висках у Николая начало неприятно покалывать. Демченко протянул папку Высокину:

— Сможешь освоить за пятнадцать минут?

— Дай гляну, — задумчиво протянул майор.

По его сморщившемуся лбу и быстро помрачневшему взгляду Демченко понял, что экстература отменяется.

— Отставить. На хер эти поезда: всю ночь провозимся и не пойми что в итоге сваяем к утру! А ну-ка собирайте всех — возвращаемся к подъёмнику.

— Он же взорван. Наверх нам никак, — напомнил Гуров.

— А нам и не надо наверх. Марш-бросок по тоннелю сделаем. — Демченко выхватил у Высокина из рук раскрытую папку и бросил её на пол. — Всё, изба-читальня закрыта! К подъёмнику!

Спустя несколько минут офицерский отряд построился у погрузочной платформы. Строем в строгом смысле слова это не было — скорее, военные следовали привычке стоять хоть в каком-то мнимом порядке, лишь бы не быть толпой. Демченко споро обрисовал общую картину и план действий. Приказ уйти из депо вызвал у офицеров двойственные чувства. Генерал представлял, о чём они сейчас думают: каждый понимал, что от залитой кровью комнаты отдыха с расчленёнными телами ремонтников лучше держаться подальше. То, что смогло устроить кровавую баню внутри, не нуждалось в выламывании преград на пути и действовало так быстро, что никто не успел открыть дверь и сбежать от неведомого чудовища. Но, с другой стороны, подчинённые Николая, скорее всего, представляли себе, что их теперь ждёт — неведомая прогулка по тёмному тоннелю подземной железной дороги. Никто из них ранее не был на этих уровнях базы, никто не понимал, куда именно отряд должен добраться, как далеко это место и что ждёт их в конце пути? Но путь был один — через непроглядную тьму.

На погрузочной платформе к офицерам примкнула группа прикрытия — несколько солдат и сержантов, решивших поехать вниз вслед за командиром гарнизона. Пока офицерский отряд обыскивал транспортное депо по соседству с погрузочной платформой, бойцы младших званий обеспечивали им прикрытия, наблюдая за тоннелями. Никто из военных не знал, с чем конкретно придётся иметь дело. Там, на поверхности, возле штаба, офицеры лишь видели появлявшихся из ниоткуда летающих монстров. ФББ никогда не доводило информацию о том, что может вырваться из недр базы в случае «Лавины». Мрачная загадка, о которой старались не думать. А теперь всё стало ещё непонятнее и страшнее. Группу прикрытия оставили в качестве сигнальной ловушки: пока дозор будет героически умирать, оказывая яростное сопротивление с перестрелкой и воплями, штабной отряд подготовится к обороне и не даст застигнуть себя врасплох в депо. Хотя Демченко не питал иллюзий по поводу степени сопротивления перепуганных солдат или насчёт боевых качеств служащих штаба в сражении с мутантами: «Если нам не повезёт и всё же на кого-то здесь нарвёмся... автоматы не сильно помогут. Скорее всего, тут вообще ничего не поможет».

Военные спустились на пути, уходившие в тёмный тоннель. Всего их было несколько десятков — меньше роты. Впереди нестройной колонны встали штабисты, обладавшие хоть каким-то боевым опытом. Среди них был и Демченко. В первые ряды также отправили и группу солдат. Несколько опытных офицеров с сержантами встали в конце колонны для защиты тылов от внезапного нападения. Демченко проследил, чтобы наименее подготовленные к стычке люди оказались заперты в центре походного строя — так они не смогут ни подвести в начале боя, не заметив опасность издалека, ни бежать, поддавшись панике.

Как бы ни хотелось оттянуть этот момент подальше, но он настал: военные ступили под своды тоннеля. Пространство, очерченное линиями коммуникаций, освещали подствольные фонари рядовых и сержантов. Оружие штабистов даже такого несложного приспособления не имело. Если какой-нибудь майор или полковник решал посмотреть на непонятный объект через прицельную планку, ему приходилось удерживать в одной руке и карманный фонарик, и цевьё укороченного автомата. Это было жутко неудобно. Стало понятно, что у отряда есть лишь несколько «осветителей», а остальным в случае перестрелки придётся приспосабливаться. Боевого духа сие открытие никому не добавило.

Свет остался позади. Довольно быстро вход в тоннель исчез — отряд полностью зашёл за плавный поворот. Теперь линии рельсов возникали из темноты за спиной и уходили в такую же непроглядную тьму где-то впереди. Лучи фонариков выхватывали их укатанную стальную поверхность без конца. Казалось, что сам воздух стал другим — темнее. Запахло сыростью.

Свет полосами прорезал густой мрак, обступавший людей со всех сторон. Стало казаться, что они идут по тоннелю уже достаточно долго, но впереди не было видно ничего похожего на платформу.

Идти можно было только вперёд — больше некуда. Чудилось, что как только тьма, отпугнутая фонариками, забирала себе обратно каменные стены тоннеля, он сужался. Демченко ощущал, что здесь само пространство играет с ними, не желая выпускать из своих владений, что это не тоннель, а странный огромный зверь, заманивший их прямоком в свою пасть. Но говорить вслух об этом он боялся. Вдруг и другие так подумают, присмотрятся получше к окружению, и домысел окажется правдой? И станет ясно как день, что они уже никуда не идут, а лишь в бреду агонии видят рельсы.

Николай не понял, как очутился на путях, ведущих к вокзалу города Могучий. «Что?!» Секундное наваждение исчезло. Демченко протёр глаза — не останавливаясь, продолжая идти. Отряд двигался по тоннелю неспеша, внимательно осматривая пространство впереди. Демченко почувствовал, как на лице зачесался шрам. Эта темнота, рельсы, ожидание нападения — его будто бы зашвырнуло на миг в ту проклятую зиму, в тот проклятый штурм... Но вот в тоннеле пошёл снег. «Да чёрт тебя дери!» — выругался про себя генерал, быстро заморгав, а потом и вовсе зажмурившись.

— Всё нормально? — поинтересовался шедший рядом Гуров.

Демченко открыл глаза — никакого снегопада. Только пустой тоннель, видения как не бывало.

— Да, глаза устали немного, — ответил Николай раздражённо.

— Интересно, далеко до платформы осталось? Не до Подгорска же они ходы прорыли! — посетовал полковник Зализняк, шагавший неподалёку.

— Думаю, не больше километра нам ещё, — задумчиво сказал Демченко более спокойным тоном.

Впереди что-то щёлкнуло.

Отряд замер на месте. Лучи фонариков устремились в одном направлении — вперёд. Тоннель выглядел таким же пустым, как и всё время до этого.

— Кто слышал щелчок? — негромко спросил Демченко у подчинённых.

— Впереди был, — шепнул кто-то сзади.

— Я думаю, метрах в пятидесяти... Да, тут рядом, — махнул рукой Гуров.

— Товарищ генерал, я слышал стон, — произнёс сержант в первом ряду.

— Какой стон? — Демченко приподнял бровь от удивления: «Я не мог перепутать щелчок и стон».

— Не знаю. Мужской, кажись, был. Но подальше.

— Да ёпти! — раздражённо сплюнул Демченко. Он внимательно всмотрелся в плохо освещаемый тоннель. Метрах в ста впереди рельсы уходили вправо — поворот, за которым могло быть что угодно.

Поразмыслив с минуту, генерал приказал:

— Идём медленно. Первые десять человек — дозорный отряд — двигаются в тридцати метрах впереди. Гуров — старший дозора! Всем — к бою!

Сам Демченко отделился от ушедшего вперёд дозора и встал во главе оставшейся группы. Отряд медленно двинулся вперёд вдоль путей. Снова щёлкнуло. Гуров подал фонариком знак, но Николай и сам понял, что источник звука находится за поворотом.

«Стойте!» — Демченко махнул шедшим за ним. Половина мощных подствольных фонарей была у дозорной группы, поэтому основной отряд светил им в спины тем, что осталось. Дозор аккуратно приблизился к повороту. Демченко наблюдал, как бойцы осторожно перемещаются, не перекрывая секторы обстрела друг друга. Настал момент, когда они добрались до

точки, с которой стало возможным увидеть то, что оставалось скрытым от глаз членов основного отряда.

«А может, это в темноте всё так искажается? — вдруг засомневался Демченко. — Что, если им ещё метров десять идти и это затишье ничего не значит? Тогда они ещё не увидели никакого "щелкуна". А как увидят, то начнётся...»

В его сознании начали спешно возникать картины того, как вдали послышится выкрик, застучат автоматные очереди и нечто невообразимо опасное выпрыгнет на солдат из темноты. Огоньки подствольных фонарей потухнут — бойцы выронят оружие из окровавленных, возможно, оторванных рук. А в этот момент на оставшийся в живых отряд пойдёт сразу несколько невиданных ранее существ. Они будут щёлкать и свистеть, рычать и пищать одновременно. Отряд даст свой первый и последний залп из всех имеющихся стволов не по команде «Огонь!», а потому что жить захочется как никогда. И он — Николай Демченко — будет стоять во главе этого строя и палить из своего автомата по чудовищам. Им будет не выбраться из этой передряги, но они не дадут себя просто сожрать, как...

От раздумий отвлёк условный сигнал, который подала дозорная группа: «Всё чисто — путь безопасен».

— Вперёд, марш! Внимание на стены, не пропустите какой-нибудь люк технический или ещё чего, — скомандовал Демченко и повёл отряд в сторону дозора.

За поворотом виднелась цель их перехода — платформа. Лампы по периметру светили непривычно ярко. Сейчас она была для них подобно маяку для потерпевших крушение мореплавателей — знак присутствия цивилизации, знак спасения, знак выхода из власти хаоса. Осталось преодолеть не более сотни метров. Военные осторожно приближались к платформе. Издалека она выглядела пустой, никаких посторонних звуков не слышалось. В конце платформы стоял транспорт. Часть поезда скрывалась в тоннеле, часть занимала место напротив платформы — состав закрывал собой обзор того, что могло находиться на путях за ним.

Дозорный отряд первым вышел на свет. Бойцы застали картину неудавшегося бегства: у выхода на платформу лежал труп в красном от крови халате, недалеко от него — разорванное на части тело в синем комбинезоне, рядом — ноги в чёрных штанах и берцах. Живых нигде не было.

Когда Демченко поднялся на перрон, к нему сразу подошёл Гуров:

— Ты должен это увидеть сам.

— Где? — негромко спросил Николай.

— Там. Сержанты тебя отведут, — Гуров кивнул на поезд.

— Понял. Ты тут пока давай вместе с Высокиным формируй три равные группы.

— Есть.

Двери поезда оказались распахнуты. Никакого шума, характерного для их раздвигания вручную, Демченко не слышал: «Оставили открытыми». Транспорт состоял из двух небольших вагонов. Сержанты повели Демченко в левую часть состава, скрывавшуюся в тоннеле. В дальнем конце вагона у панели управления поездом лежал труп — тело в синей форме, судя по шеврону на рукаве — машинист поезда. На груди мертвеца в центре бурого пятна неправильной формы зияло несколько отверстий. Лицо трупа было изуродовано несколькими выстрелами и коркой запекшейся крови. Демченко присел рядом с мёртвым, присмотрелся повнимательнее, потом посветил фонариком на пол рядом. Краем глаза Николай заметил, как слева что-то блеснуло. Он обнаружил в вагоне несколько небольших гильз. «Пистолетные. Вот так, в упор, из служебного оружия убить? И убирать за собой не стали... Да, какой же гадюшник у них тут в этой норе процветал!» Сержантам он приказал заминировать проход между вагонами и стенами, а мертвеца скинуть в тоннель.

Когда Демченко вернулся на платформу, к нему сразу же шагнул Гуров и негромко спросил:

— Видел его?

Демченко кивнул, показывая, что нужно зайти в вагон. Когда они чуть продвинулись вглубь, подальше от сержантов, он ответил:

— Да. И гильзы тоже. В упор кто-то сделал, как пить дать.

— А есть сомнения, кто? Мне кажется, тут без вариантов. Всё и так понятно.

— Я, конечно, не лучшего мнения о *них*, но чтоб вот так расстреливать машинистов?

— Мы оба видели, что гильзы пистолетные. У кого ещё тут могли быть пистолеты, кроме «барабашек» этих херовых? Не у лаборантов же! — Гуров тут же оглянулся — не привлёк ли повышением голоса лишнего внимания. Никто в их сторону не смотрел. Сейчас все были заняты разглядыванием останков на платформе и разговорами о прошедшем марш-броске, кто-то курил.

— Ты вот что, — начал тихим голосом Демченко, — про машиниста и гильзы пока не говори никому. Поспешных выводов делать не будем, но уши держать остро надо...

— Как не говорить?! А если у этих сволочей приказ всех в расход пустить? Ты ведь сейчас людей поведёшь в логово этих кротов конченных! А если кто-то из «барабашек» на наше «Здрасьте!» пустит очередь из автомата? Ты готов вот так потерять всех?

— Слышь, Михал Алексеич, — глаза Демченко недобро блеснули, а в голосе зазвучали угрожающие нотки, — ты не забывайся-ка, на хер! У меня тут каждый на счету! Если ты предлагаешь устроить зачистку подземного блока и всех «барабашек» в расход пускать по нашим с тобой рассуждениям, то я тебе напомню, что когда на объект прибудет подкрепление — нам абзац! Или, может, ты в конец света тут играешь? Там, на поверхности, вообще-то, ни хера не пропало! Ни ФББ, ни трибуналы, ни командование, ни уставы — ничего не исчезло! И как им объяснять потом, за каким чёртом мы расстреляли всех сотрудников ведомства, которых должны были защитить? Я вот не знаю! Ты хочешь, чтоб всех нас под трибунал потом отдали? На зоне чалиться хочешь до конца жизни? А?

— Никак нет, — Гуров отвёл взгляд, не выдержав напора командира.

— Ну тогда не хер мне такую чушь предлагать! Да — гильзы пистолетные, да — «барабашки», скорее всего. Но мы с тобой не следки, наша задача — удерживать под контролем хотя бы подземную часть базы. А тот, кто машиниста грохнул, может, уже валяется там на перроне с кишками наружу! Значит, так, про гильзы и труп — ни слова! А теперь пошли к остальным, надо брать уже эту нору.

— Есть, — глухо отозвался Гуров и поспешил за Демченко наружу.

На платформе стало накурено. Военные всё так же переговаривались друг с другом о чём-то, разбившись на небольшие кружки. Несколько стрелков с автоматами выставили в широкий коридор — единственный выход с перрона в «Блок №4», как гласила табличка над открытыми входными дверьми. Демченко остановился перед своим отрядом. Штабные затихли, развернулись лицами к нему, побросали сигареты под ноги. Примкнувшие к командованию бойцы, державшиеся немного в стороне, последовали их примеру.

— Товарищи офицеры, сержанты, солдаты, — заговорил Демченко, — мы добрались до нужной нам части подземного комплекса. Осталось взять её под свой контроль. Что там внутри — за этими дверьми — я не знаю. Прошу всех проявить максимум собранности и внимательности! От нас требуется удерживать до подхода подкрепления «Блок 4», а именно — научно-исследовательскую его часть. Подмога прибудет в ближайшие сутки! Если встретите персонал, берите под охрану, сопровождайте в безопасное место. Если встретите сотрудников ФББ, пытайтесь, по возможности, установить с ними контакт издали. И только из-за укрытий! Ситуация внештатная, у всех нервы на пределе, по вам могут начать палить сдуру, если не разберутся. Это ясно?

Ответом было молчание.

— Хорошо. Мы разделимся на три группы: в первой старшим будет Высокин, во второй — полковник Гуров, я — в третьей. Майор Лозник, берите двух солдат и организуйте здесь наблюдательный пост...

— Тарищ генерал, капитан Малюков, разрешите? — обратился к Демченко невысокий офицер, стоявший с краю, недалеко от двери. Николай только теперь понял, что Малюков всё это время опирался одной рукой о стену.

— Что у тебя?

— Я на платформу забрался неудачно, упал — ногу подвернул. Разрешите мне здесь в наблюдательном пункте остаться. Я вам при прочёсывании блока обузой буду.

Демченко выдохнул, расширив ноздри и подняв брови.

— Ёпт... Малюков, кавалерист херов! Мля, да как тебя так угораздило-то?! Едрить! Майор Лозник, отставить: наблюдательный пост останется организовывать капитан Малюков, а вы займёте его место. Так... Ещё хочу обратить внимание всех: мы находимся на территории научно-исследовательской лаборатории! Здесь чёрт ногу сломит, что в пробирках и инкубаторах биологи выращивали! Поэтому всё, что не похоже на человека, принимать за противника и уничтожать! Здесь нет никаких котиков, блять, собачек, черепашек, на хер! Видите зверя — палите по нему из всего, что есть! Связь держим по рациям. Позывным всей группы является позывной старшего группы. Две минуты на проверку снаряжения — и выходим!

В коридоре было пусто и тихо. Из стороны в сторону, зигзагами от стены к стене по полу шёл кровавый след — не дорожка из капель, а смазанные линии, кровавые полосы. Не раненый человек здесь шёл — скорее, звери тащили разодранную добычу: кто-то, обладающий достаточно твёрдыми когтями, чтобы поцарапать плитку на полу. Царапины местами образовывали более причудливые траектории, залезая на стены. Даже военные, не имевшие навыков следопытов, рассматривая ужасающие линии, молча предполагали, что за кусок человечины в коридоре развернулась борьба каких-то чудовищ. Именно поэтому солдаты, караулившие проход в четвёртый блок, стояли такие бледные — насмотрелись, слишком долго думали об этом. Слева и справа по коридору шли двери, ведущие в индивидуальные жилые модули — так гласили таблички на них. Ближайшие оказались закрытыми. Демченко принял решение на ходу:

— Если за дверью нет шума и она заперта, двигаемся дальше. Если слышен подозрительный шум — штурмуйте, но сначала очередь — прострелите её насквозь на хрен! И только потом открывайте! Гранат почти нет, так что их применять при зачистке только в случае крайней необходимости!

Отряд продвигался медленно и осторожно. Почти все двери стояли заперты, абсолютно везде царил мертвецкая тишина. Группы добрались до пересечения коридоров. Прямо продолжались жилые модули, указатель на стене гласил, что, повернув налево, можно попасть в некую «Зону 1», а направо — на «Контрольный пост».

— Гуров, води людей в «Зону 1». Высокин, ты проверь, что там впереди осталось, а я посмотрю на этот пост.

Проход налево уходил к широкой металлической двери, на которой был выгравирован символ ФББ — круглый щит с вертикально расположенным мечом по центру.

«Ни хрена они тут себе хоромы отгрохали!» — невольно подумал Демченко. На стене рядом была вмонтирована панель с магнитным считывателем. Сержант, шедший первым, аккуратно потянул за ручку — дверь поддавалась. За ней военные обнаружили тамбур с прозрачными стенками из прочного стекла. Кто-то оставил его открытым нараспашку — контрольный пост был доступен только сотрудникам ФББ, кроме них никто не имел ни права, ни возможности пройти за дверь с изображением щита. Пространство за ней умудрилось вместить в себя небольшой тир, арсенал огнестрельного оружия в несколько оружейных шкафов и даже казармы — спальный блок с дюжиной двухъярусных кроватей. Когда офицеры вошли в жилую часть, перед ними предстала картина расправы над последними защитниками контрольного

пункта: обглоданные до костей тела валялись в неестественных позах посреди разгрома. На стенах виднелись следы рикошетов, кто-то взорвал гранату у входа в «казарму»: на полу была характерная копоть. Военные смотрели на трупы и, судя по лицам, невольно представляли себе чужую жуткую смерть, которая могла подстергать здесь и их тоже.

— Так, все к арсеналу! Не хер тут разглядывать! — рявкнул Демченко. — Берём всё, что есть, и выход...

В рации прозвучал голос Высокина:

— Восемьсот шестой, это восемьсот первый, зачистку закончили, потерь нет.

Николай снял рацию с разгрузки, поднёс ближе к лицу:

— Восемьсот шестой — восемьсот первому: иди на контрольный.

— Принял!

Когда Демченко закрепил рацию обратно на кармашке, шкафы арсенала уже вскрыли. Офицеры сменили укороченные автоматы старого образца на дробовики, штурмовые винтовки большего калибра и прочее более-менее знакомое оружие, которое выглядело сейчас более подходящим. Совсем причудливые образцы оружия никто не брал, но таких стволов оказалось немного. К моменту прибытия группы Высокина офицеры нашли на нижних полках ящики с гранатами и сейчас рассовывали их себе по карманам разгрузок вместе с запасными обоймами и даже пачками патронов к огнестрелу. Картины изуродованных трупов ещё стояли перед глазами.

Вдруг оживился канал радиосвязи, из маленького динамика донёсся крик:

— Восемьсот третий, это восемьсот первый, огневой контакт! Два противника!

Демченко резко сорвал рацию с клипсы.

— Восемьсот первый, это восемьсот третий, ты где сейчас?

— Я рядом с лабораториями какими-то, научно-исследовательский центр тут! У меня уже трое «двухсотых»¹! Один «трёхсотый»²! Они прут на нас! По хер им на наши выстрелы!

— Понял! Но где ты конкретно?

— Да не знаю я! Не знаю! Веду бой! Отходим...

Связь резко прервалась. Последнее слово было слышно не так чётко, как остальные, будто бы Гуров уже обращался не к генералу, а к кому-то другому.

— Всем — идём на подмогу группе Гурова, их прижали! Будьте начеку!

Демченко шёл в первой десятке. Белые коридоры научно-исследовательского центра стали казаться ему чем-то нереальным. Непонятно откуда возникла уверенность: под ними скрывались посечённые пулями и осколками, опалённые пламенем стены вокзала. Генерал готов был поклясться в этом. И в том, что ему лишь кажется, что под ногами нет гильз, а на ботинки не налипла грязь, перемешанная со снегом. Шрам на лице напомнил о себе колющей болью и зудом.

Выстрелы стали громче: за ближайшим поворотом разыгрывалось сражение. Когда отряд Демченко влетел в коридор, от группы Гурова осталась лишь половина личного состава. Офицеры отступали, поливая свинцом какую-то дверь метрах в двадцати от них. Гуров пытался координировать действия по организованному отходу, но почти сорвал голос.

— Вовремя! — искренне обрадовался он подмоге.

— Что тут у тебя? — крикнул Демченко, пытаясь быть громче грохота выстрелов.

— Твари засели там! Поликарпова утащили последним! Туда утащили! Этим чертям срать вообще на пули! Они с линии огня как отпрыгнут за укрытия, раны залижут на себе и снова на нас прут! Вон смотри — там стену пробили и Семёнова вместе с Шепелевым сразу загрызли!

¹ Мёртвый (армейский жаргон)

² Тяжелораненый (армейский жаргон)

— Ещё раз, сколько их?

— У меня «двухсотых» уже шестеро...

— Да нет! Сколько этих тварей?

— Две всего! Я никогда, блять, не видел ничего подобного! Это черти какие-то!

— Слева! — гаркнул кто-то из офицеров.

Левее обстреливаемой двери мелькнул силуэт существа. В следующую секунду монстр с грохотом проломил перегородку и запрыгнул на потолок. Он появился настолько неожиданно, что часть военных опешила на пару мгновений и прекратила стрельбу, ища цель. Лишь некоторые офицеры смогли проявить большую собранность и сразу же перевели беглый огонь с двери на возникшего из пролома монстра. Как раз тогда же из обстреливаемого ранее кабинета выбежала вторая тварь. Демченко палил, особо не целясь. Страх брал своё: по коридору метались, уворачиваясь от пуль, двигаясь в сторону стрелявших, две жуткие чёрные твари — они напоминали косматых обезьян с головами козлов. Вместо привычных глаз на их месте располагались красные фасеточные «шишки». Пули иногда попадали по покрытой фиолетовыми наростами передним частям тел, и тогда от туловищ отлетали какие-то чешуйки, но видимого урона здоровью существам это не наносило.

Рядом рвануло. Демченко пришёл в себя, лежа на полу. В голове звенело. Вокзал обстреливался где-то далеко. Он видел коридор, склонившегося над ним Гурова, других офицеров. В голове — только одна мысль, что рядом с Могучим есть ещё резервы, их должны направить к вокзалу.

— Ты слышишь меня или нет? — спросил Гуров.

«Я сто четвёртый, иду с севера!» — разобрал сквозь писк в ушах Демченко из динамика рации.

— Это его от взрыва так размазало? Похоже на контузию, — прозвучал чей-то знакомый голос.

«Слиток-11, Слиток-11, я Лента-3, как слышно? — вновь тихо прошелестело будто бы в рации. — Не стреляйте! Это Камин-5! Нас две коробочки³!»

Всё ещё не совсем понимая, что происходит, Демченко подумал, что у него сейчас две рации и одна из них спрятана где-то в голове.

— И есть, по ходу, контузия. У него же первая была в Могучем. На старые дрожжи, видать, попало... Иваныч, Иваныч, ты с нами? — Гуров поводил ладонью перед глазами генерала.

Демченко заметил какое-то движение сбоку от столпившихся вокруг него офицеров. По полу коридора в их сторону полз восемнадцатилетний солдат с осколками стекла, вонзившимися ему в лицо. Юноша был в камуфляже старого образца, в пыльном бушлате, в облепленных серой грязью кирзовых сапогах. «Помогите! Помогите!» — надрывно прокричал прямо в голову Демченко ослепший боец.

³ Бронетехника, в данном случае БМП (армейский жаргон)

Глава 2. Другие

Арсений Шершенёв открыл нужный электрощиток в подсобке и нажал на кнопку, спрятанную за пучком обесточенных проводов от взгляда случайно забредшего ремонтника. Он удерживал палец на кнопке несколько секунд, пока не услышал характерный сигнал от устройства считывания отпечатка. В стене справа от него раздался механический щелчок, а затем потайная дверь, на которой крепился шкаф с инструментами, открылась. Массивная створка медленно двинулась в сторону. В проходе за ней было темно.

Арсений посмотрел вниз на своего спутника. Небольшой зверёк тёрся о ноги, покрывавшая всё его тело чешуя переливалась разными цветами в свете запыхавшейся лампочки на потолке подсобки. Шершенёв сфокусировал внимание на желании оказаться за порогом открывшейся двери, и мутант тут же перестал ластиться и устремился в проход. Арсений последовал за ним, перед этим проведя ладонью по потухшему сенсорному экрану, закреплённому на внутренней поверхности двери — та плавно закрылась за ним. Они оказались в крошечной тьме. Но уже через мгновение на стенах и потолке загорелась россыпь красных огоньков — они замелькали взад-вперёд и вверх-вниз, пока не исчезли так же внезапно как появились. Тут же зажглось несколько ламп и полностью осветили комнату входного контроля с белыми стенами.

Арсений вместе с маленьким мутантом стояли перед закрытой дверью. Из вмонтированного в стену над дверью динамика донёсся мужской голос:

— Я не могу вас пропустить: с вами образец.

— Но пропустишь, потому что это мой приказ, — с лёгким раздражением в голосе произнёс Шершенёв.

— Кодекс запрещ...

— Я написал этот кодекс. Ты прекрасно знаешь, что все правила, которые ты соблюдаешь день ото дня, придуманы мной. А сейчас я приказываю открыть мне дверь.

После недолгой паузы голос из динамика спросил:

— Образец безопасен для персонала?

— Да, безопасен. Не испытывай моё терпение, открывай уже! — Арсений чувствовал, как в нём закипает ненависть, хотя подобные вспышки обычно не были свойственны.

Пока за дверью щёлкали засовом и замком, Шершенёв поумерил свой гнев крепким сжатием кулаков. Краем глаза он заметил, что зверёк встал в боевую стойку, готовясь к прыжку на любого, кто покажется из-за двери, и тут же испугался, что потеряет контроль над мутантом. Существо тут же отскочило вбок, затем назад и подбежало к ногам Арсения. Теперь боевое настроение у мутанта исчезло — он с изумлением уставился на дверь, которая начала открываться. «Ему передалось моё смятение?» — удивился Шершенёв перед тем, как к нему вышел сотрудник ФББ.

Одетый в чёрные цвета ведомства оперативник был в полной боевой амуниции: бронежилет, лёгкая чёрная каска, в руках дробовик. Дуло было опущено, но направлено в сторону «гостей». «Что бы я ни сделал, он успеет отстрелить мне ногу», — понял Арсений, прокрутив в мыслях возможность силового прохождения дальше.

— Почему образец не нападает на вас или на меня? — спросил недоумевающий сотрудник.

— Олег... Тебя ведь так зовут, я не напутал? — В этот момент оперативник перевёл подозрительный взгляд с мутанта на лицо Шершенёва и замер. — Да, Олег. Образец находится под контролем, он не опасен, пока я рядом. Подробности я обсужу только в присутствии руководства корпуса, куда и направля...

— Что с вашими глазами?

Ствол дробовика начал медленно подниматься. Оцепенение, вызванное у оперативника видом пульсирующей яркой радужки и формой зрачков Арсения, прошло.

— Это линзы. Сложные устройства, с помощью которых я и держу под контролем этого зверя. Смотри!

Арсений повернулся лицом к мутанту и указал ему на дальний угол помещения. Зверёк несколько секунд продолжал таращить свои змеиные глаза на оперативника ФББ, но затем, повинаясь довлеющей над ним воле, в два прыжка очутился там, куда Арсений указал.

— Видишь? Убедился? Хорошо. Но раз уж ты не против, если твой самый высший начальник задаст вопрос, то... — Арсений подошёл в упор к Олегу: оперативник опустил оружие и, судя по всему, не собирался стрелять. — Какая разница, как я выгляжу и кого веду с собой, если я до сих пор глава «Объекта 80»? Ты ведь не думаешь, что если у нас произошла какая-то нештатная ситуация, у тебя появилась возможность послать меня... куда-нибудь?

Арсений всматривался в лицо подчинённого, не скрывая гнева во взгляде — он будто бы готовился накинуться на него и загрызть на месте. Мысли были именно такими. Оперативник выслушал всё с напускным безразличием. Ни тон, ни слова начальства не заставили дрогнуть хотя бы один мускул его лица.

— Проходите, — тихо проговорил он, отходя в сторону.

Сделав лишь шаг за порог, Арсений остановился и вновь посмотрел на оперативника:

— Ты действительно один охраняешь дверь? Всего один? Какого хрена?!

— Ещё трое на позициях в холле.

— Немногим лучше. Ладно, *он* присмотрит за вами четверыми: вдруг не справится.

После этих слов притихший в дальнем углу мутант в три прыжка оказался на стене рядом с головой оперативника. Глаза маленького монстра хищно впились взглядом в шею Олега, наблюдая за чем-то, недоступным человеческому зрению.

— Не переживай: будет смотреть, но не цапнет, — с ехидной улыбкой произнёс Арсений и тихо двинулся дальше.

В зале для совещаний стоял галдёж — Шершенёв услышал его ещё в коридоре. Воздух, как всегда пропитанный табачным дымом, прорезали едкие фразы. Десять старших офицеров ФББ, командовавшие всем корпусом сотрудников безопасности в подземном комплексе, не могли договориться между собой о плане дальнейших действий. Разбившись на несколько лагерей, они спорили, перетягивая друг друга на свою сторону. Офицеры постоянно съезжали с эмоционального разговора «как есть» на рациональную дискуссию профессионалов и обратно. Сигаретные пачки пустели, посланный просил огня у посланного, и тот давал ему прикурить; лица краснели, верхние пуговицы формы давно были расстёгнуты, кто-то даже закатал рукава чёрного кителя — и для комфорта, и для более угрожающего вида. Время шло, а основные аргументы сторон повторялись по кругу:

— Наша задача: что бы ни случилось — не продолбать этот блок!

— Да какой смысл тут сидеть?! Заблокировать сюда доступ намертво и всем идти на центральный к серверам!

— Именно! Нас же пропистонят, мляха, если мы «Цербер» просрём! Эти дятлы там с минуты на минуту могут херню створить! Нехер тут сидеть!

— Да нельзя нам ни этот блок бросать, ни серверную в центральном просрать! Здесь хватит десятка оперативников оставить, а остальных — на центральную!

— И что, штурмисты вы херовы, мы получим? Как подкрепление придёт — этот блок демаскирован будет! Вот тогда нам всем пиз... — говоривший прервался, заметив вошедшего Арсения.

Остальные повернули головы в ту же сторону и сразу умолкли. После того, как Шершенёв перестал выходить на связь в первый час после начала «Лавины», все собравшиеся здесь

пришел к выводу, что начальник мёртв. Теперь же расстановка сил откатилась к прежнему варианту.

— Что за гомон? — спросил Арсений, подходя к столу.

— Обсуждаем план дальнейших действий...

— ...по обороне комплекса или моим поискам? Вы ведь готовили спасательную операцию, да? Не забыли командира?

Офицеры молчали — никто не хотел брать слово.

— Да или нет? Я вас спрашиваю! Крутман, отвечайте за всех.

— Нет, не готовили, — смотря куда-то мимо плеча Шершенёва, доложил «эфбэбэшник».

Под конец реплики он всё же осмелился посмотреть командиру в глаза.

— И правильно, — строгий голос Арсения вмиг стал непринуждённым. — Я мог быть мёртв. Это печально, но подземный комплекс важнее. Нужно сберечь его, а не меня. И поймите меня правильно, товарищи офицеры: сейчас разработки важнее нас всех вместе взятых. Особенно — это место. Я бы тоже никого не послал за вами на поверхность, если что.

Арсений улыбнулся Крутману — тот лишь отвлёк взгляд, сохранив внешнее спокойствие.

— Что касается плана дальнейших действий, я сейчас его озвучу. Мы не можем бросить серверную и хранилища данных! Нам нужно выступить в сторону центрального блока, но часть корпуса останется здесь для охраны. Мы не можем допустить, чтобы это место по ошибке нашли какие-нибудь вояки, здесь должен остаться кто-то, кто сможет остановить прибывшее армейское подкрепление, даже силой! Потом подобные инциденты будут предотвращены, я гарантирую. Но не дай Бог, если то-то не из нашего ведомства проникнет сюда! Это понятно?

Ответом было молчание. Арсений ловил на себе недоверчивые взгляды, понимая, что его изменившаяся внешность может быть тому причиной.

— Дальше! Военные заняли центральный блок часа два-три назад, я так понимаю?

— Три, — подтвердил Крутман.

— Связь с арсеналом есть?

— Нет, — Шершенёв не успел заметить, кто это буркнул.

— Значит, у них в руках опасное для сохранности серверов — и реактора, кстати, — вооружение! Нам придётся договориться и вывести оттуда вояк, пока они ничего там не поломали по незнанию. Они могут проявить несговорчивость, не согласиться пойти на другие позиции... Может, да, может, нет — ситуация нервная, возможен любой исход! Так что мы должны подвести их к единственному верному решению, пусть и силой.

Недоверие во взглядах офицеров сменилось непониманием.

— Я вижу, как вы смотрите на меня, но боитесь спросить. Да, это одна из наших новых разработок. Как видите, хорошо прижилась. Мы прижмём вояк силой — а потом этой же силой наведём порядок и на поверхности до прибытия подкреплений, обеспечив тем самым сохранение секретности.

Закончив речь, Арсений вскинул взгляд на входную дверь. Офицеры в замешательстве повернули головы туда же. Створка приоткрылась, и в зал трусой вбежал мутант, оставленный присматривать за оперативниками на входе в секретную зону. Зверёк сделал два прыжка в сторону офицеров — «эфбэбэшники» в ужасе отскочили в разные стороны, но в третьем прыжке мутант приземлился рядом с Арсением, сделал пару кругов вокруг его ног и уселся рядом, переводя взгляд змеиных глаз с одного перепуганного человека на другого.

— Он подчиняется мне. Сейчас замрите все!

Повинуясь невербальным сигналам, мутант направился к офицерам. Он пробежал круг по залу, обойдя двуногие препятствия спереди либо сзади, и вернулся обратно к Арсению.

— Те, кто рядом — полностью под моим контролем. Крутман, остаёшься здесь за главного, остальные — подготовьте две трети личного состава на боевой выход. Корпус ФББ будет

возвращать власть над центральным блоком себе, а я пока разживусь «кавалерией» для нас. Потребуются все мутанты, что есть.

Его приказ начали исполнять немедленно. Десять офицеров корпуса — высшее командование ФББ в подземной части «Объекта 80», после самого командующего базой — лишь следовали командам Шершенёва. Он создавал эту систему годами — оставляя нетронутыми лишь лояльных, надавливая на нерешительных, ломая непокорных. Он знал, что никто из десяти не сможет ему перечить — только не ему. И сейчас посеянное им взошло и дало плоды: когда всё полетело в пекло, они беспрекословно повинуются его указаниям. А за ними последует весь корпус.

Из зала совещаний Шершенёв направился в лабораторную часть секретного блока. Сопровождавший его мутант держался чуть впереди. Коридоры стали куда оживлённее: повсюду суетились «эфбэбэшники» в чёрной боевой амуниции, формируя штурмовые команды и отряды прикрытия. Почти каждый сотрудник, попадавший на пути, бросал встревоженный взгляд на необычного зверька — но никто не хватался за оружие и даже не озвучивал вопрос «Это что за чёрт такой?» Все прекрасно знали, что за чешуйчатая особь перед ними и на что она способна. Командиры уже успели объяснить нижестоящим чинам, кто в ближайшее время будет их союзником. А в ФББ принимали людей особого склада ума: если нужно будет считать красный цвет белым — да будет так.

Наконец Арсений достиг комнаты с клетками в первом зале местного вивария. Лаборант проводил рутинный осмотр и делал какие-то записи на планшете. У небольшой контрольной панели в виварий стоял сотрудник с автоматом наперевес — это требовалось согласно протоколу секретного блока. Даже сам лаборант имел невысокое звание внутри структуры ФББ — людей со стороны в этой части подземного уровня быть не могло.

Арсений подошёл ближе к первому ряду решёток из высокопрочной стали, сквозь которые виднелись отталкивающие черты узников. В камерах и небольших клетках содержались образцы, отсутствовавшие в других частях научно-исследовательского комплекса «восьмидесятки». Наблюдательный заметил бы в облике этих существ узнаваемые черты тварей из других вивариев — но здесь геном организмов изменяли на более глубоком уровне, чем в лабораториях проекта «Цербер».

Шершенёв медленно прошёлся вдоль томящихся в неволе особей. В глазах сотрудника с автоматом он видел покорность, в мутантах за решёткой — чувствовал.

— Открыть клетки!

Лаборант от неожиданности чуть не выронил планшет:

— Но... но по протоколу запре...

— Я знаю, что там по протоколу. Живо открывай!

— А что, простите, у вас с глазами? — Лаборант замер на месте, рассмотрев лицо Арсения.

— Если не хочешь потерять свои, беги к панели управления, родной, — на последнем слове Арсений не смог сдержаться и подбавил в голос ядовитой иронии. Он сжал кулаки так, что побелели костяшки.

Лаборант неуверенно поплёлся к панели управления. За спиной Шершенёва раздался невнятный бубнёж.

— Чего ты там сказал?

— Я вызвал усиление, — ответил сотрудник. — Вскрытие клеток и камер происходит только с усиленным караулом.

Арсений лишь махнул рукой.

«Идиоты! Они не знают того, что мне теперь доступно!»

Он ощутил, как раздражение внезапно стало превращаться в эйфорию. Он — важный, он — главный, и никто не смеет ему перечить. Внезапно внутренний голос зазвучал сильнее

и как будто отделился от его мыслей: «Чего ты ждёшь? Открывай! Подчиняй их! Подчиняй!» Послышались быстрые шаги: в помещение вошли ещё два сотрудника в полной экипировке и с оружием в руках.

— Давай! — беззлобно, но громко произнёс Арсений, обернувшись на лаборанта. Вид у того был нервный, а в момент, когда их взгляды пересеклись, «эфбэбэшника» с планшетом передёрнуло. Однако он тут же уткнулся в экран панели управления и сосредоточился на введении команд.

Из потолочных динамиков зазвучала сирена, решётки клеток и камер первого ряда стали медленно открываться. Когти щёлкнули о твёрдую поверхность — наконец первая особь ступила за порог своей «тюрьмы». Серая лапа без шерсти, покрытая слизью, вся блестела. Телом существо напоминало стоящего на гипертрофированных задних лапах волка, только вместо глаз на его черепе имелась светочувствительная область между ушей, переливавшаяся разными цветами, как чешуя у рыбы. Пасть «волка» формировали несколько гибких отростков с клыками на концах. Сейчас особь втянула отростки и сомкнула их в мелкие челюсти, ошестинившись всеми шестью мелкими ртами. Из двух соседних клеток выбрались собратья этого мутанта, один — с фиолетовым пигментным пятном на пузе и уменьшенной зрительной зоной между ушей, второй — с четырьмя передними конечностями и одним крупным ртом-отростком с двумя рядами клыков.

Из оставшихся клеток вышли двуногие существа. Верхние конечности у них отсутствовали, вместо них верхней части туловища украшали несколько щупалец, поджатых в данный момент. Головы существ походили на кабаньи, но без клыков, ушей и даже привычного пятока на конце морды. Особи дышали через щели, расположенные под глазами с прямоугольным очертанием зрачка. Их бесшерстные тела также покрывал тонкий слой слизи.

«Приблизиться! Приблизиться! Их покорность будет полной!» — вспыхнула мысль в голове Арсения. В этот раз он не удивился, что внутренний голос говорит чуть быстрее, чем должен.

Шершенёв посмотрел на мутанта с четырьмя передними конечностями и сконцентрировался на желании, чтобы особь подняла свои передние когтистые лапы. Мутант с небольшой задержкой поднял две передние лапы на уровень головы, а две оставил на прежнем месте.

«Он не привык! Надо ближе!» — Арсений сделал шаг навстречу особи. Мутант задрал одну лапу чуть выше холки. Шершенёв подошёл к мутанту, тщательно визуализируя, как мутант выполнит его приказ верно. Особь подняла оставшиеся передние конечности на уровень груди.

Арсений приблизился к мутанту почти в упор. В одно мгновение лапы особи рухнули на него сверху и впились когтями в лопатки, вторая пара лап вонзила когти в боковую поверхность бёдер. Жгутик с челюстью на конце устремился к переносице Арсения, но не достиг её — маленький телохранитель запрыгнул на особь, как только Шершенёв почувствовал страх и боль. Спасая хозяина, зверёк разодрал шею особи, почти отделив безглазую голову от склизкого тела.

Завопив от боли, Арсений поднялся на ноги. «Не до конца! Ещё! Ещё!» — из ниоткуда возникали реплики внутреннего голоса в голове. Но эти мысли оказались бессильны перед тем животным испугом, что овладел Шершенёвым. По виварию метались два других волкообразных мутанта. «Эфбэбэшники» стреляли по ним, но никак не могли попасть. Одна особь с разорванными дробью щупальцами и снесённой выстрелом головой лежала ничком. Рядом с ней на полу в кровавой луже валялось изуродованное тело лаборанта. Его будто бы скрутили, подобно тряпке при отжиме воды — во многих местах обломки костей пропороли кожу и одежду. Из ран торчали порванные мышцы и даже смятые органы.

Арсений скулил, плакал от боли, но ковылял по коридору в сторону холла. Страх давал силы. Никто из спешащих к виварию оперативников не в силах был его остановить — даже

если бы попытался, как ему казалось. Ему хотелось уйти подальше от того места, куда звал ставший чужим голос в его голове — тот твердил: «Стой! Вернись! Стой! Ещё не всё!» и вновь и вновь посылал ему в мысли образ вивария, в котором волкообразный мутант выгрызает ему глаза своими выкидными пастями.

Шершенёв захлопнул за собой дверь, подошёл к электрощитку и сделал пять длинных нажатий на кнопку. Раздался механический лязг — в двери сработал блокиратор.

Больше в голове не возникало мыслей извне. Арсений медленно вышел из подсобки на платформу, неуклюже спустился на пути и пошёл в темноту тоннеля. В сознании всё запуталось, будто тот, кто занимал его голову, оставил после себя полнейший беспорядок. Шершенёв снова и снова думал, что нужно закрыть дверь, но потом спохватывался, что уже сделал это. Он помнил, что идёт куда-то, где есть решётки, но нет покрытых слизью уродцев. Там он найдёт обезболивающее... в аптечке с красным крестом.

В неизвестный для Арсения момент времени он отключился и рухнул прямо на пути — затем ему почудилось, что его несут чьи-то мохнатые лапы. Разлепив веки, Шершенёв обнаружил себя на полу в тёмном помещении, плохо освещаемом тусклым красным светом. Вокруг него двигались силуэты странных зверей, но на всех них были либо шерсть, либо чешуя, либо хитиновый покров. Ни одного склизкого существа рядом. На полу рядом с Арсением валялось множество перевязочных пакетов, индивидуальных аптечек, какие-то папки с документами и даже клочки одежды — всё, что имело на себе символ красного креста.

Шершенёв вскрыл ближайшую к нему индивидуальную аптечку и нашёл там заветный анестетик. После расслабляющего укола Арсений нашарил в аптечке комплексный антибиотик и антисептик. Капсулу он проглотил, а порошок из пакетика высыпал на раны на бёдрах. Потянувшись к бинту, Шершенёв истратил последние силы — не успев наложить повязку, он распластался на полу и провалился в забытье.

Глава 3. Находка

Огромное пространство вивария осталось позади. Булат точно не знал, куда ушли мутанты после того, как он запустил какую-то программу на терминале, но догадывался. Тварей было не видно и не слышно, а значит, они ушли с подземного уровня «восьмидесятки». Путь отсюда лежал только на поверхность. Булат слышал, что конструкция отсеков с монстрами предполагала способ их быстрой доставки наверх. Но это наверняка был аварийный план, который не предусматривал, что у всех клеток откроются «чёрные ходы» в момент, когда ни один мутант не будет обездвижен снотворным. Так казалось. Да, натворил дел...

Когда они проходили мимо камер среднего размера, Булат отмечал открытые ниши в полу — пути эвакуации для мутантов этого типа проходили где-то внизу в подполье. Булат надеялся, что они ушли вслед за гигантами, а не затаились в лабиринте каналов у него под ногами. Он старался гнать мысли, что в любой момент тишину опустевшего вивария может нарушить треск раздираемого перекрытия, или что снизу кто-то пробьёт плиту лапой и схватит его за голень. Боёк и Сухарь выглядели спокойными. «Даже к лучшему, что они знают меньше, чем я», — решил Булат, подходя к широкой двери выхода из «Блока №3».

На платформе было пусто. Мёртвая тишина висела в воздухе. Пути пустовали, и, как троица не напрягала слух, ничего похожего на движение по тёмному тоннелю никто не слышал. Булат заметил на стене что-то, похожее на старый коммуникационный аппарат. Приблизившись, он увидел телефонную трубку, подключённую к небольшой коробке, и надпись сверху: «Связь с диспетчерской». На том конце провода царил тишина.

— Да ёппп! — Булат швырнул трубку в стену.

— Молчат? Чё делать будем? — негромко произнёс Боёк.

— Транспорт нужен! Я ни хера не понимаю, где мы и где арсенал, — раздражённо ответил Булат, но его голос с каждым словом становился спокойнее.

— А терминал? — вставил Сухарь. — Может, там есть внутренняя связь?

Булат поднял брови, но тут же их опустил.

— Может, и есть, а может, и нет. Хрен с ним, давай попробуем.

— Идём обратно? — удивился Боёк.

— А есть идеи получше? — развёл руками Булат.

— Нет. Идём, — устало выдохнул товарищ.

Предыдущий опыт спокойного прохождения вивария насквозь немного приободрял, но простая, но не озвученная мысль, что за время, пока они были на платформе, какая-нибудь тварь могла вернуться на подземный уровень, испортила настроение всем троим. Во всяком случае, Сухарь и Боёк посмотрели на вход с кислыми минами на лицах.

Булат нашёл встроенную в терминал функцию коммуникации. Нажал на значок рации на сенсорном экране — открылся список других пунктов связи на подземном уровне базы. Подключение к центральному узлу длилось несколько минут — на том конце никто не принимал сигнал.

— Может, нет там никого? — размышлял вслух Боёк.

Значок вызова на экране в этот момент изменился.

— Это центральный. Кто со мной говорит? — донеслось из встроенных в терминал динамиков.

— Блок номер три. Я — старший оперативник Булатов, корпус ФББ.

— Полковник Гуров, — голос сразу же стал отстранённым.

— Товарищ полковник, рядом с вами сейчас есть кто-нибудь из контрольного пункта?

— Контрольный не устоял, там только трупы были, когда мы пришли.

— Принял. У блока номер три сейчас нет никакой связи с диспетчерской, мы не можем выехать в центральную на контрольный пост. У вас там есть транспорт?

— Да, есть.

— Прошу выслать за нами.

— Никак нет. Транспорт не вышлем.

Повисла небольшая пауза. Военные не жаловали ФББ — Булат знал это, но не думал, что именно сейчас нарвётся на особо упёртого в этом вопросе.

— Товарищ полковник, прошу повторить.

— Не будет транспорта.

— Почему?

— Он сломан.

— Принял. Выдвигаюсь по тоннелю в пешем порядке. Прошу скоординировать меня по развилкам путей. Может, у вас там на центральной есть где схема?

— Булатов, как тебя там... Отставить! У меня караульные на любое движение откроют огонь! Тебя на подступах пристрелят! Сиди в блоке своём, если можешь, а мы тут сами разберёмся.

— Товарищ полковник, — голос Булата стал громче, — я действую по приказу «восемьсот второго». В центральной, в первую очередь, должны быть мы, а не вы! Прикажете своему караулу подать выстрел трассером как опознавательный сигнал на движение, мы ответный трассер пустим!

— Никак нет, Булатов! Центральный блок в глухой обороне! И не надо мне здесь выдумывать что-то!

— Товарищ полковник, это препятствие работе ведомства!

— Никак нет, я не препятствую вашей работе. Просто предупреждаю, чтобы ты не совался под огонь моего караула.

— Если я буду в центральном, вы тоже караулом отгородитесь от меня?

— Старший оперативник Булатов, я не собираюсь мешать вам выполнять приказы. У вас они свои, у меня свои. Но караулы я не сниму! Конец связи!

— Вот мразь! — выругался Боёк, когда иконка вызова моргнула и превратилась в неактивный значок.

Булат молча пнул терминал ногой. Сухарь посмотрел на него и лишь спросил:

— Чё теперь? Куда?

— К центральному по тоннелям. Куда ещё остаётся? — вставил Боёк.

Булат не сдержался:

— Да куда, мать твою, по тоннелям-то?! Даже я тут не был ни разу — не представляю в какую сторону нам двигаться! — Он говорил быстро и энергично, но эта энергичность скорее была следствием жгучего желания кому-нибудь врезать.

— Наверх, значит? Обратно в госпиталь? — решил уточнить Боёк.

— Да! Доедем обратно на лифте, как сюда спускались, потом от подвала и до выхода, главное — тихо прошмыгнуть! Ну а как на улице окажемся — рванём до БАМПа, и там уже нас не сцапать будет, ага! Домчимся до второго входа, а оттуда по-любому ближе будет к центральному блоку! И на другом лифтике покатаемся!

Боёк и Сухарь недоумённо посмотрели на Булата. Он уловил немой вопрос и задал встречный:

— Чё, совсем одурели, да?!

Сухарь почесал скулу. Боёк замялся.

Булат махнул рукой:

— Со всех сторон херня какая-то... — Затем закрыл глаза, потёр переносицу и продолжил: — Решено! Мы пойдём по тоннелям! У нас нет другого выбора, мужики.

— А как быть с караулами? — не понял Боёк.

— Есть служебные тоннели рядом со станциями. Когда ездил — не замечал небольшие дверцы в стенах? Они почти рядом с посадочной платформой. Ну, метров восемьдесят по тоннелю вглубь. Если шараться по служебным тоннелям без фонарей, нас не увидят.

— И куда они ведут? — уточнил Боёк.

— Мля-я-яха! Я тебе ремонтник, что ли?! — снова вскипел Булат. — Да хер их знает, куда они ведут! Но думаю, что можно через них как-то обойти караулы. Посмотрим, кароч! Хрен ли тут торчать?! Всё! Выдвигаемся!

Когда свет перрона скрылся вдали, всем троим стало не по себе. Булат шёл впереди, Сухарь — за ним, правее, а Боёк, левее всех, замыкал, периодически оглядывая их тыл.

Темнота нехотя рассеивалась в свете подствольных фонарей. Кроме уходящих вперёд путей, в тускло освещённом пространстве тоннеля не было ничего.

Боёк нарушил тишину похода:

— Как ты понял, куда нам надо будет повернуть на развилке?

— Я почти построил карту в голове. Сразу не понял, что вариантов проложить тоннель у них не так много, главное — не забывать как расположен госпиталь относительно центрального блока.

На самом деле, Булат в этот момент не создавал в голове карту, а задумывался о возросшей болтливости Бойка после столкновения с мутантами в госпитале и по дороге к нему: «Неужели Витька так перекрыло, что его мандраж теперь берёт постоянно?»

— Ясно. Как думаешь, много у них ещё здесь зарыто других блоков, о которых мы не знали?

— Вряд ли. Подземка не может быть настолько большой. Как бы они её снабжать энергией могли? Реактор только в центральном, и он маленький.

— Думаешь, на ещё один такой же блок с парочкой вивариев энергии бы не хватило?

— Нашёл энергетика... Я понятия не имею, сколько и чего можно было бы запитать от реактора, но мне кажется, что он работает на полную.

— Так, может, и работает на полную, но с пятью-шестью блоками, о которых мы ничего не знаем. Может, тут у нас не один корпус, а два вообще!

— Да не, слишком много.

— Ну, или хотя бы ещё один блок с вивариями где-то размещён, о котором мы не знаем. Под казармами какими-нибудь, например.

— Если тебе от этого будет легче...

В разговор вмешался Сухарь:

— Впереди движение!

Вдали, где свет фонарей почти не прорезал тьму, что-то перемещалось в их сторону.

Булат услышал характерный звук поскрёбывания когтей о бетон — пока ещё очень тихий, но лишь из-за расстояния.

— Огонь короткими!

Выстрелы загремели в замкнутом пространстве, не жалея барабанных перепон. Еле различимый силуэт сменил траекторию движения, прыгнув вбок. Новые порции свинца последовали за ним. Булат поднял руку, и стрельба прекратилась.

— Кто-нибудь видит его?

— Там херня видимость, — отозвался Сухарь.

— Я, вроде, вижу на стене его.

— Где? Конкретнее! — пробасил Булат, не сводя глаз с того места, куда только что они палили из трёх стволов.

— Левее, вжался в стенку тоннеля. Может, пальнуть по нему одиночным?

— Отставить! Это не мутант, он крупнее был.

— А что это тогда?

— Да хрен его знает...

Булат всматривался в полумрак вдали. Из стенки тоннеля действительно что-то выпирало, но ни освещение, ни расстояние до объекта не располагали к пониманию происходящего.

— Осторожно двигаемся к нему.

Метров через тридцать стало понятно, что выпирающим объектом был не мутант, а открытый настежь люк. Бойцы подбирались к нему медленно, стараясь не издавать лишних звуков. Стало ясно, куда делся мутант. Они ждали, что он выпрыгнет на них в любой момент. Сухарь взял в руки гранату, когда они подошли на достаточное для броска расстояние, но Булат вдруг подал сигнал замереть на месте. Оставшиеся метры в сторону люка он прошёл один. Подобравшись вплотную, старший оперативник заглянул в открытый технический ход. Луч фонаря выцепил из темноты только серые очертания лаза с белыми пятнами высолов на камне. Булат захлопнул люк. Закрывать на замок или задвижку его было невозможно: металл искорёжило, погнуло.

— Ускоряемся! Боёк, следи во все глаза, на хер, чтобы люк за нашими спинами не открылся. Если откроется — ори благим матом. Херня, которая смогла выбить это, от нас и мокрого пятна не оставит, — распорядился Булат.

— А может, она ждёт нас впереди... — мрачно подметил Сухарь.

Боёк молча рассматривал помятый металл увесистого люка.

— Не дай Бог, — прошептал он еле слышно.

Развилка тоннеля оказалась ближе, чем предполагал Булат, но из-за нескольких поворотов, которые они преодолели по пути, его начали одолевать сомнения, правильно ли он представляет себе направление их движения. И слева, и справа была одинаковая тьма. И там, и там тоннель имел одинаковые элементы конструкции и прикреплённые к бетону линии коммуникаций. Никаких меток или указателей. «Да и кто, кроме нас тут шастал, чтобы эти указатели ставить?» — подумал Булат, с сожалением осозная, что выбирать дальнейший путь ему придётся так же обоснованно, что подбросить монетку.

Из правого тоннеля донеслось негромкое завывание. Все трое напряглись, даже Боёк позабыл на несколько секунд про тыл и уставился в бесформенную темноту. Источника звука не было видно.

— Ветер, — произнёс Сухарь.

— Да хер его знает, — процедил сквозь зубы Булат, а потом сплюнул.

— Мужики, а вам не кажется, что и слева кто-то воет? — вдруг выпалил Боёк.

Булат прислушался, но смог понять, где находится источник завываний. Теперь казалось, что он слева, а из правого тоннеля доносится эхо. Постояв ещё немного, Булат стал чётко ощущать совсем другую картину шумов.

— Их два, походу...

— Да мляха б её за ногу! — пробубнил Боёк.

— Не, не ветер. Это не ветер... — задумчиво пробормотал Сухарь.

Темнота не спешила показывать бойцам таящихся в ней существ, а фонари оказались не способны осветить тоннель на такое расстояние, чтобы наметить хотя бы очертания источников шума.

— Вы слышали?! — встрепенулся Боёк.

— Что? — спросил Булат, не оборачиваясь. Он только крепче сжал автомат.

— Кто-то идёт сюда! Справа!

Булат напряг слух. Действительно, из правого тоннеля теперь доносился не только вой, но и чьи-то шаги, напоминающие лязг металла о камень.

— Я услышал несколько особей, — произнёс Сухарь, уперев приклад штурмовой винтовки в плечо и готовясь открыть огонь.

Булат положил ладонь ему на ствол и опустил оружие:

— Отставить! Уходим! Быстро! Возвращаемся в блок номер три!

— Но там же люк выбитый рядом, — удивлённо напомнил Боёк.

— Он оставался закрытым? — Булат подошёл ближе и посмотрел Виктору в лицо.

— Да.

— Вот и прекрасно! А сейчас — ходу!

Когда дверь, ведущая с платформы в коридор, закрылась за их спинами, Булат почувствовал небольшое расслабление, моментально сменившееся проклёвывающимся отчаянием.

— Значит, так! — Он остановился и повернулся к Бойку с Сухарём. — Нам нужно хорошенько обыскать этот блок! Запасы еды, медикаменты, может, оружие — всё, что найдём, всё будет к месту!

— Думаешь пересидеть? — уточнил Боёк.

— Есть другие идеи? — Булат прищурился.

— Нет.

— Мы будем здесь до завтра, а затем снова попробуем что-нибудь. Поднимемся на лифте, или дойдём до развилки! Завтра ситуация может улучшиться.

— Можно выйти на связь с центральным ещё раз, — вставил Сухарь.

— Или так.

Боёк поджал губы и одобрительно кивнул.

Помещений, которыми пользовались люди в блоке номер три, оказалось немного — в основном всё пространство занимал виварий. Вольеры для крупных животных шли по краям блока, в середине размещались клетки и камеры для содержания мутантов поменьше и даже для совсем небольших особей. Двери небольших лабораторий, мелких хранилищ и технических помещений мелькали реже металлических решёток и толстого бронированного стекла. Это место строили не для людей, и клетки, удерживающие рукотворный выводок, не наделяли человека статусом тюремщика. Виварий напоминало инкубатор, в котором выращивалось кроважидное поголовье мутантов. Люди здесь были обслугой, заинтересованной в выживаемости приплода. С такими невеселыми мыслями все трое добрались до дальнего угла блока, где виварий заканчивался. На стальной закрытой двери висела табличка: «Хранилище токсичных реагентов. Вход только для сотрудников ФББ».

— Какое ещё на фиг хранилище? Они же на склады всё отправляли! — возмутился Боёк.

— Я тоже не слышал, — задумчиво протянул Булат. — Но раз мы сотрудники... Сухарь, отворяй, мы с Бойком зачищаем!

Внутри они не встретили никакой опасности — но и хранилища там тоже не оказалось. За небольшим холлом начиналась скрытая от работников Блока №3 исследовательская лаборатория, в конце которой оперативники увидели камеру с большим панорамным окном.

— Ёп меня! — не выдержал Боёк.

За стеклом находились два существа — четырёхлапый зверь и уродливый человек. На человеке из одежды были лишь чёрные тканевые шорты и жилетка. Он выглядел болезненно: кожа бледно-синяя, под глазами горели яркими пятнами красно-фиолетовые круги, редкие волосы на почти облысевшей голове выглядели комично. Он сутулился и слегка сгибал ноги в коленях, кожа обтягивала худую шею, плечи, собиралась на странных бугорках у локтей. Туловище резко утолщалось в районе живота — пузо выступало конусом, раздаваясь вширь боками. Сейчас гуманоид держал кисти рук близко к впалой груди, быстро шёлкая кончиками пальцев друг по другу. Ногтевые пластины у него оказались толстыми и коричневыми, удлинившись до второй фаланги так, что превратились в когти. Из-за этого пальцы имели на один

сустав меньше и двигались странно, очень непривычно. Стопы существа покрывала ороговевшая серая ткань, настолько грубая, что различить, остались ли там ногти, было невозможно.

Рядом на четырёх копытах стоял зверь, походивший на огромную свинью. Тёмную шкуру украшали зелёные пятна. Вместо ожидаемого пяточка нос скорее походил на лошадиный. Пролонговатый череп тоже был слишком массивным для свиньи, с непривычными пропорциями. Если бы не форма тела, то существо можно было бы принять за уродливого тапира — та же расширенная макушка и глаза расположены спереди, а не по бокам.

Двух существ разделял небольшой столик с шахматами, а сами мутанты сейчас пристально смотрели на вошедших. Не рычали, не кидались на зеркало, а осмысленно наблюдали за ними взглядами, в которых распознавался разум.

И тут человекоподобный уродец проговорил скрипучим голосом:

— Если вы пришли не ради нашей ликвидации, то могу ли я вас попросить передать нам мешок корма?

Боёк присвистнул.

— Чё, мля? — Булата застало врасплох то, как легко с ними заговорил этот гуманоид.

— Простите, мы не ели почти сутки, нам бы корма. Мешки хранятся где-то вот там, — существо указало длинными пальцами на одну из дверей в холле.

— погоди, я не пойму: ты человек или нет?

Гуманоид вздохнул, по его большому брюху пошли странные колебания:

— Вам будет проще называть меня Ави. Я нечто более заморочное, но давайте остановимся на привычной вам концепции. Да, я мутант.

— А как... Откуда ты знаешь язык? Как ты меня понимаешь? — опешил Булат, осознавая, что впервые столкнулся с вполне разумным мутантом.

— Ну, мы тут давненько. Я знаю, что язык ваши дети осваивают, будучи почти неразумными, а мы вот с напарником даже в шахматы играть умеем!

— С напарником? Он что, тоже умеет говорить?

— Нет, но понимает, о чём мы с вами говорим, — в этот момент четырёхлапый мутант кивнул. — Его зовут Бон. Он вполне общительный, но говорить, как мы, у него не выходит, зато он может кивать.

Бон снова склонил голову.

— Я сейчас точно чокнусь! Говорящие мутанты!.. — Боёк на всякий случай хлестнул себя по щеке.

— Как давно вы тут? Как вас здесь создали? Сколько вас? — Булат сыпал вопросами, забыв, что хотел добраться в центральный блок.

— Я знаю только о нас двоих. Остальные не смогли перенести операцию так же хорошо... А можно нам всё-таки корма?

— Стой! Какую ещё, на хрен, операцию?

— Эх... Я обещаю вам всё показать, но после кормёжки — мы тут совсем оголодали...

— Ты ешь только корм?

— Да...

— Значит, сначала ты нам всё расскажешь, — голос Булата посуровел. — А потом мы решим, что делать с кормом.

— Э... — Ави был явно раздосадован таким поворотом событий.

— Так что там?

— Я должен показать вам одно помещение, оно недалеко.

— Ну тогда пойдёшь с нами только ты один.

— Хорошо, давайте так, раз уж мы не можем по-другому, — сдался Ави.

Когда Ави привёл их обратно в белый зал патологоанатомического отделения, Булат решил, что мутант хочет их надуть. Правда, большого смысла в этом он не видел, так как к спине уродца была приложена граната, а от её чеки шёл «поводок» из провода от компьютерной мыши прямо в руку Булата.

— И чё? Думаешь, мы его не видели? Тут просто трупы вскрывают для изучения.

— Не просто трупы, — Ави указал на стену с плакатами. — Начинали с обычных мутантов, но чем дальше, тем всё больше появлялось у проекта «Цербер» ответвлений.

— Ближе к делу, — нахмурился Булат. Сухарь рассматривал плакаты, пытаясь понять в них хоть что-то, а Боёк старался держаться чуть подальше от говорящего мутанта — он опасался, что граната на спине всё-таки рванёт.

— Когда здесь научились лепить существ под любые причуды, рано или поздно должен был встать вопрос о донорских органах для человека. Можно ли создать такие организмы, что смогут быть ходячими фермами человеческих органов? Оказалось, что с этим всё не так просто. Но вот гибридов, совместимых с органами человека, сделать смогли...

— Мать твою, да к чему ты ведёшь?! — не выдержал Булат.

— К тому, что в этом зале вскрывали гибридов — особей с частичным набором человеческих органов.

— Погоди, то есть вот тот хряк тоже имеет человеческую плоть, что ли?

— Ну... Скажем так: мы с ним два особых экземпляра, — Ави опустил голову и забежал взглядом по полу, щелкая кончиками ногтей на руках друг о друга. — Он пережил внедрение, будучи перемещаемым, а я выжил, будучи объектом внедрения...

— Ты можешь говорить нормально? Какого ещё на хер «внедрения»? Ты о чём вообще? — Булат повысил голос, вены у него на лбу вздулись.

— Мы с Боном раньше были людьми.

— Чё? — Булат не поверил в то, что услышал. — Повтори, что сказал.

— Мы с Боном — люди, которых переместили в тела мутантов, — спокойно произнёс Ави и поднял голову, но побоялся посмотреть Булату в глаза. — Никакой мутант не смог бы осилить человеческую речь.

— Мать вашу! Да что не так с этим местом?! Да что за на... Чем вообще они тут занимались?! — раздались ругательства Бойка.

— Охереть, — только и выдал Сухарь.